

Николай Лесков

О куфельном мужике и проч.

Николай Лесков

О куфельном мужике и проч.

«Public Domain»

1895

Лесков Н. С.

О куфельном мужике и проч. / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1895

Статья является откликом на оживленную газетно-журнальную полемику, возникшую вокруг появившегося в апреле 1886 года двенадцатого тома Сочинений гр. Л. Толстого. Сам Лесков принял в полемике непосредственное участие. В своей статье писатель разбирает этическое учение Толстого, его народолюбие, показывая, насколько обращение Толстого к «мужику» органичнее и серьезнее, нежели раздраженные рекомендации Достоевского «учиться всему» у «куфельного мужика».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Николай Семенович Лесков

О куфельном мужике и проч.

Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом

Новые произведения гр. Л. Н. Толстого продолжают беспрестанно вызывать разнообразные суждения. Энергические отзывы об этих сочинениях отличаются то энтузиазмом, доходящим порою до безмерного восторга с страстным желанием сравнить перед ним все остальное вровень с землею, то излишнею придирчивостью.

Попытки защитить многие нынешние мнения графа Л. Толстого не достигают цели. Теперь невозможно отнестись к его новейшим сочинениям с настоящим беспристрастием свободной литературной критики. Для этого, без сомнения, придет свое время, а до той поры теперь остается заботиться только о том, чтобы сохранить то, что чувствуют и как судят современные читатели, на глазах которых совершается величественный литературный успех гр. Толстого, а в то же время перед движением торжественной колесницы этого писателя с каким-то азартом производится идоложертвенное избиение литературных младенцев.

Когда настанет этот час, который не затмит величия гр. Л. Н. Толстого, но даст возможность говорить о достоинстве его сочинений с полною откровенностью, тогда для свободных от нынешних тенденций критиков может оказаться подспорьем то, что теперь упускается из виду нынешними критиками, пишущими под влиянием партийной страстности или других побуждений, литературе посторонних и не полезных.

Я не занимаюсь критикою и тем менее позволил бы себе критиковать сочинения графа Л. Н. Толстого, что и чрезвычайно трудно и чрезвычайно ответственно. Но чтобы установить точку моих отправлений к тому, что хочу сказать далее, — я оговариваюсь, что я разделяю мнение тех, кто считает графа Л. Н. великим и даже величайшим современным писателем в мире. Но из всех критиков, восхваляющих графа, по моему мнению, иностранные критики судят о нашем великом писателе лучше и достойнее, чем критики русские, а из иностранцев, кажется, всех полнее, глубже и правильнее понимает и толкует сочинения гр. Толстого — виконт Мельхиор де Вогию.

Таково мое личное мнение. Может быть, оно и ошибочно и даже совсем неверно, но я его сознаю искренно и пишу далее. Именно по тому уважению, какое я питаю к графу Л. Н. Толстому как к великому писателю моей родины, я не в силах отрывать от него своего внимания и не могу не отмечать того, что в суждениях о нем отзывается крайнею несправедливостью и пристрастием. Особенно досадительным кажется, когда в толкованиях идей этого писателя — главное, или по крайней мере более значительное, как бы умышленно заслоняется идеями низшего порядка и меньшего значения.

Такое отношение к делу уже два раза побудило меня осмелиться выступить со своими замечаниями, которые я желал довести до ведома гг. критиков гр. Толстого. Я знал, что это небезопасно и что я могу за это потерпеть, но тем не менее я отважился. В первый раз я старался дать защитникам графа годное оружие для защиты Льва Николаевича от нападков на него со стороны г. Леонтьева. Я старался показать и показал, что Л. Н. Толстой согласен с Исааком Сирином, которым его упрекал г. Леонтьев, а что г. Леонтьев сочинений Исаака Сирина не знает. Это было сильное оружие для защиты графа, но оно пренебрежено — вероятно, к немалому удовольствию г. Леонтьева и тех, кому надлежало почувствовать стыд за его необразованность и рискованные «ссылки на христианских писателей, которых он не читал. Второй раз я указывал на сходство сюжетов гр. Толстого с некоторыми историями из Прологов и тоже, кажется, показал то, что было нужно.

В оба раза замечания мои остались никем не опровергнутыми и даже не поправленными. Это позволяет мне надеяться, что я, пожалуй, указал нечто правильное. Иначе, конечно, мои ошибки и погрешности не прошли бы без колких замечаний со стороны критиков, расположенных к графу Толстому, и со стороны критиков; которые относятся к нему враждебно. Г-н Леонтьев, имеющий место в числе последних, должен бы, кажется, не пренебречь случаем уличить меня в неосновательности тех указаний, которые я ему сделал.

Нынче я опять вижу повод указать нечто другим критикам, увлекающимся своею страстностью и толкующим нечто пристрастно, а нечто упустительно.

Один из критиков, осуждающих нынешнее настроение графа, недавно порицал его за «легкомыслие» в объяснении известной истории, как множество людей, имевших возбужденный аппетит, обошлись с очень малым количеством пищи. У гр. Толстого это представлено так, как бы люди устыдились своей заботы о пище и великодушно стали доставать все съедомое, что у кого было с собою, не для себя, а чтобы передать его другому. Все поделились, и еще осталось. Критик называет «такой мотив чудовищным, нелепым» и еще каким-то, и в том числе «не имеющим себе подобного».

Я не смею утверждать, вышло ли упомянутое предположение об обращении с пищею из собственной головы графа Толстого. Но считаю возможным, что «мотив» этот мог быть им и вычитан и *позаимствован* у автора, которого критику надлежало бы знать. Во всяком случае, следует указать этому критику, что смутивший его «мотив» (если только дело о *мотиве*) имеет себе неоспоримое подобие в весьма ранней литературе этого рода, произведения которой графу Льву Николаевичу, наперекор его критикам, отлично знакомы.

В книге «Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов», сочинения Палладия епископа Еленопольского числом сто тридцать три жития,^[1] под номером девятнадцатым находится жизнеописание Макария Александрийского, а в том житии, между прочим, встречаем одно место, которое по-русски читается следующим образом:

«Когда-то прислали Макарию *кисть свежего винограда*, – а тогда ему (то есть бл^а-женному> Макарию) очень хотелось есть». Но Макарий воздержался и «отослал эту кисть к одному брату, которому тоже хотелось есть». Брат этот, подражая учителю, тоже *воздержался* и «послал виноград к другому брату, как будто самому ему не хотелось есть. Но и этот брат поступил так же, хотя ему очень хотелось съесть виноград. Таким образом, виноград перебивал у многих братий, и ни один не хотел есть его. Наконец последний брат, получив виноград, отослал его опять к Макарию, как дорогой подарок. Макарий же, узнавши виноград и разведав, как все было, обрадовался, и благодарил бога за такое воздержание братий, и сам не захотел есть».

Описанное происшествие с кистью винограда, которою насытилась вся братия многочисленного пустынножительства, без всякого сомнения, имеет *полное сходство* с тем, как представляется у Толстого подобное же событие, случившееся три века ранее в той же Палестине.

Я не говорю, что изображение, данное нам в «Лавсаике» епископом Еленопольским, непременно дало гр. Льву Н. Толстому мысль *совершенно так же* объяснять другое событие в этом роде, но *такой мотив* высказан ранее Толстого, и, мне кажется, господам критикам, не расположенным к графу, не следовало бы упускать этого из вида. Или вражда ослепляет их до того, что они позабывают то, что могло бы быть им на руку в борьбе с неприятным им автором, или же они вовсе никогда и не знали того, что я считаю с их стороны забывчивостью.

---

^[1] Путешествия Палладия Еленопольского происходили между 388 и 404 годами по Р. Х. Книга «Лавсаик» состоит из письма к правителю Лавсу, ста тридцати трех жизнеописаний и заключения. Странное и непонятное для объяснения название «Лавсаик» книга эта получила потому, что она написана Палладием «по желанию знаменитого мужа Лавса, занимавшего весьма важную должность при византийском дворе. Писана она по-гречески и переведена на другие языки – в том числе и на русский. Любителям житийных повестей «Лавсаик» всегда был известен. (Прим. автора.)

По поводу «Смерти Ивана Ильича», произведения, которое написано не в том роде, на который нападают критики, порицающие графа, – другие критики правильно превозносят неподражаемое мастерство нашего писателя, но отмечают всего сильнее его «страшный реализм» в описании хода смертной болезни и самой смерти. Тут, думается, как будто тоже несколько возобладали излишняя страстность, и за нею кое-что пропущено и кое-что прихвачено к делу без надобности. Так, например, при достойных похвалах графу некоторые из критиков в несколько приемов старались обнаруживать при этом свое особенно презрительное отношение ко всем другим писателям, которые «тоже пишут» и тоже «писателями называются».

Это напоминает одного из героев Писемского, который, едучи в вытертой шубе, говорит ей презрительно:

– Эх ты, сволочь! А тоже шубой называешься.

Везде, где есть литература, там есть писатели и лучшие и менее хорошие; как есть это и во всех родах искусства. Пишет портреты Н. И. Крамской – пишут и другие, и иногда тоже хорошо пишут, и у них есть свои заказчики, и даже свои почитатели, и судьи искусства не срамят этих художников и не гонят их с выставок, «Пушка палит сама по себе, а мортира – сама по себе». Благоухает роза, благоухает и ландыш. Оттого, что есть Верещагин, не резон запретить всем иным русским живописцам показываться на свет с их произведениями, которые, без сравнения их с картинами Верещагина, тоже нравятся и производят облагораживающее впечатление на вкус, а может быть, и трогают сердце...

Почему же иначе обходиться с писателями, в ряду которых Толстой *первенствует*?

Граф Л. Н. Толстой, без всякого сомнения, самый крупный современный литературный талант во всем свете (по крайней мере я нахожу такое мнение вполне верным), но, кажется, чем этот писатель многозначительнее, тем удобнее воздавать ему следуемое уважение, не прибегая к обиде и унижению других, которые никак заслонять его не могут и на то не покушаются. Другие писатели, разумеется, имеют меньшие или даже несравненно меньшие дарования, но несомненно, что и они, с их меньшими дарованиями, все-таки иногда могут писать не совсем дурные вещи. Доказательством тому служит, что публикою читаются не одни произведения графа Толстого, но и произведения других авторов, – и это иногда бывает не без пользы, так как и другие авторы тоже, в свою силу, возбуждают в читателях добрые чувства и честные мысли. Отрешить от занятий литературою или заставить замолчать всех тех, кто пишет слабее, чем Л. Н. Толстой, было бы совсем не желательно и совсем не полезно в интересах самой литературы. Пока еще есть читатели, – нужны и писатели, без участия которых непременно ощутился бы недостаток в чтении, И притом в числе молодых беллетристов есть люди с хорошими дарованиями и тоже с здоровым реальным направлением. Говоря это, хочется назвать г. Гаршина, который пишет прекрасно и который далеко еще не достиг предела полного развития своего таланта. За ним, может быть, следовало бы упомянуть Короленку и молодого писателя Чехова, начинающего писать в том же реальном направлении. Еще никому не явлено ясно, чего эти люди достигнут, если станут трудиться, имея, между прочим, графа Толстого для себя *образцом*, а не пугалом... Их достаточно судить только с той стороны, делают ли они из своих дарований наилучшее употребление, какое избрать могут. Стараться же разочаровать их и унижить до потери всякой веры в себя – это не полезное, а вредное дело со стороны критики. Мы так не богаты талантливыми людьми, что нам надо беречь наши «всходы», а не обескураживать людей смолodu. Обескуражить легко, но поддержать потом силы молодого писателя весьма трудно, и потому манера никого не щадить при всяком к тому случае есть, поистине, жестокая манера в критике.

Твердость в этом направлении есть, конечно, подвиг, но подвиг, которого лучше избегать.

Скажу при этом, что доходит сюда в слухах из Москвы, – и чему, я думаю, можно верить: передают, будто граф Л. Н., совершенно равнодушный нынче ко всему, что о нем самом пишут,

смущается, однако, тем, что ради его, для вящего его выделения, пишут в обиду другим... Благородной душе такие вещи, в самом деле, должны быть тягостны, а может быть, и противны.

В реализме «Смерти Ивана Ильича» самое «страшное» едва ли заключается в том, на что указывают. Описанные гр. Толстым детали при смертной обстановке Ивана Ильича отнюдь нельзя считать за универсальное описание этого рода события. Смерти бывают очень различные. Смерть «праведного» и смерть «грешника» были давно предметами наблюдения и изображались их описателями реально, но не сходно одна с другою. Смерти, описанные И. С. Тургеневым, А. Н. Майковым, и смерть на поле битвы, превосходно представленная г. Гаршиным, – тоже все реально, но каждая в своем роде. Иначе это не могло и быть. Сенека, конечно, не мог умирать так, как Иван Ильич, но смерть Сенеки вдохновительна и реальна. «Мудрец отличен от глупца тем, что он *мыслит до конца*». Иван Ильич не мыслил о смерти ранее; он делал свою служебную карьеру и, по немислии своему, жил так, как будто устраивался тут навеки. В этом и других дрызгах была вся задача его жизни. Он принадлежал к людям, живущим в такой среде, где мысль о *конце* считается неуместною, – ее гонят из головы и не допускают в разговорах. А потому люди тут если не умирают внезапно, «скорописною смертью», то почти всегда умирают малодушными трусами, как раз так страшно и мучительно, как умирал Иван Ильич. К смерти, составляющей, по народному выражению, «окладное дело», надо себя приучать, и те, которые в этом успевали, по многочисленным замечаниям, умирали спокойнее и легче, – совсем не так, как умер Иван Ильич, а как умирали мудрецы, праведники и как умирают русские простолюдины, из которых один еще на сих днях в Париже привел французского проповедника в восторг своим «достоинством при смерти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания